

A. ПРАДОНАСКІІІ

Літэратура. Мэсэжы

Annotation

В поэме "По праву памяти" (1967-1969г.г., опубл.1987г.) описана трагическая судьба отца Твардовского.

- [Твардовский Александр Трифонович](#)
 -
 - [По праву памяти](#)
 - [1. ПЕРЕД ОТЛЕТОМ](#)
 - [2. СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ](#)
 - [3. О ПАМЯТИ](#)
-

Твардовский Александр Трифонович
По праву памяти

По праву памяти

Смыкая возраста уроки,
Сама собой приходит мысль:
Ко всем, с кем было по дороге,
Живым и павшим, отнестись.
Она приходит не впервые,
Чтоб слову был двойной контроль:
Где, может быть, смолчат живые,
Так те прервут меня: " Позволь!
Перед лицом ушедших былей
Не вправе ты кривить душой,
Ведь эти были оплатили
Мы платой самою большой..."
И мне да будет та застава,
Тот строгий знак сторожевой
Залогом речи нелукавой
По праву памяти живой.

1. ПЕРЕД ОТЛЕТОМ

Ты помнишь, ночью предосенней,
Тому уже десятки лет,
Курили мы с тобой на сене,
Презрев опасливый запрет.
И глаз до света не сомкнули,
Хоть запах сена был не тот,
Что в ночи душные июля
Заснуть подолгу не дает...
То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далекий
Из первой юности своей.
Мы не испытывали грусти,
Друзья: мыслитель и поэт,
Кидая наше захоlustье
В обмен на целый белый свет.
Мы жили замыслом заветным
Дорваться вдруг
До всех наук,
Со всем запасом их несметным
И уж не выпускать из рук.
Сомненья дух был нам неведом;
Мы с тем управимся добром
И за отцов своих и дедов
Еще вдобавок доберем.
Мы повторяли, что напасти
Нам никакие нипочем,
Но сами ждали только счастья,
Тому был возраст обучен.
Мы знали, что оно сторицей
Должно воздать за наш порыв
В премудрость мира с ходу врыться,
До дна ее разворотив.
Готовы были мы к походу,
Что проще может быть:

Не лгать. Не трусить.
Верным быть народу.
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду.
А если —
То и жизнь отдать.
Что проще! В целости оставим
Таким завет начальных дней.
Лишь от себя теперь добавим:
Что проще — да. Но что сложнее?
Такими были наши дали,
Как нам казалось без прикрас,
Когда в безудержном запале
Мы в том друг друга убеждали,
В чем спору не было у нас.
И всласть толкуя о науках,
Мы вместе грезили о том,
Ах, и о том, в каких мы брюках
Домой заявимся **потом**.
Дивись, отец! Всплакни, родная,
Какого гостя бог занес,
Как он пройдет, распространяя
Московский запах папирос.
Москва, столица, — свет не ближний,
А ты, родная сторона,
Какой была, глухой, недвижимой,
Нас на побывку ждать должна.
И хуторские посиделки,
И вечеринки чередом,
И чтоб загорьевские девки
Глазами ели нас потом,
Неловко нам совали руки,
Пылая краской до ушей.
А там бы где-то две подруги,
В стенах столичных этажей,
С упреком нежным ожидали
Уже тем часом нас с тобой,
Как мы на нашем сеновале
Отлет обдумывали свой...

И невдомек нам было вроде,
Что здесь, за нашею спиной,
Сорвется с места край родной
И закружится в хороводе
Вслед за метелицей сплошной...
Ты не забыл, как на рассвете
Оповестили нас, дружков,
Об уходящем в осень лете
Запевы юных петушков.
Их голосов надрыв цыплячий
Там, за соломенной стрехой,
Он отзывался детским плачем
И вместе удалью лихой.
В какой-то сдавленной печали,
С хрипотцей истовой своей
Они как будто отпевали
Конец ребячьих наших дней.
Как будто сами через силу
Обрядный свой тянули сказ
О чем-то памятном, что было
До нас. И будет после нас.
Но мы тогда на сеновале
Не так прислушивались к ним,
Мы сладко взапуски зевали,
Дивясь, что день, а мы не спим.
И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на **потом**.
И где, кому из нас придется,
В каком году, в каком краю
За петушиной той хрипотцей
Расслышать молодость свою.
Навстречу жданной нашей доле
Рвались мы в путь не наугад,
Она в согласье с нашей волей
Звала отведать хлеба-соли.
Давно ли? Жизнь тому назад...

2. СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ

Сын за отца не отвечает —
Пять слов по счету, ровно пять.
Но что они в себе вмещают,
Вам, молодым, не вдруг понять.
Их обронил в кремлевском зале
Тот, кто был для всех одним
Судеб вершителем земным,
Кого народы величали
На торжествах отцом родным.
Вам,
Из другого поколения
Едва ль постичь до глубины
Тех слов коротких откровенье
Для виноватых без вины.
Вас не смутить в любой анкете
Зловещей некогда графой:
Кем был до нас еще на свете
Отец ваш, мертвый иль живой.
В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбирали,
Ответ по-нынешнему прост.
Но в те года и пятилетки,
Кому с графой не повезло,
Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.
Чтоб со стыдом и мукой жгучей
Носить ее — закон таков.
Быть под рукой всегда — на случай
Нехватки классовых врагов.
Готовым к пытке быть публичной
И к горшей горечи подчас,
Когда дружок твой закадычный
При этом не поднимет глаз...
О, годы юности немилой,

Ее жестоких передряг.
То был отец, то вдруг он — враг.
А мать? Но сказано: два мира,
И ничего о матерях...
И здесь, куда — за половодьем
Тех лет — спешил бы босиком,
Ты именуешься отродьем,
Не сыном даже, а сынком...
А как с той кличкой жить парнишке,
Как отбывать безвестный срок,
Не понаслышке,
Не из книжки
Толкует автор этих строк...
Ты здесь, сынок, но ты нездешний,
Какой тебе еще резон,
Когда родитель твой в кромешный,
В тот самый список занесен.
Еще бы ты с такой закваской
Мечтал ступить в запретный круг.
И руку жмет тебе с опаской
Друг закадычный твой...
И вдруг: — Сын за отца не отвечает.
С тебя тот знак отныне снят.
Счастлив стократ:
Не ждал, не чаял,
И вдруг - ни в чем не виноват.
Конец твоим лихим невздам,
Держись бодрей, не прячь лица.
Благодари отца народов,
Что он простил тебе отца
Родного —
С легкостью нежданной
Проклятье снял. Как будто он,
Ему неведомый и странный,
Узрел и отменил закон.
(Да, он умел без оговорок,
Внезапно - как уж припечет
Любой своих просчетов ворох
Перенести на чей-то счет;

На чье-то вражье искажение
Того, что возвещал завет,
На чье-то **головокружение**
От им предсказанных побед.)
Сын - за отца? Не отвечает! Аминь!
И как бы невдомек:
А вдруг тот сын (а не сынок!),
Права такие получая,
И за отца ответить мог.
Ответить — пусть не из науки,
Пусть не с того зайдя конца,
А только, может, вспомнив руки,
Какие были у отца.
В узлах из жил и сухожилий,
В мослах поскрюченных перстов
Те, что — со вздохом — как чужие,
Садясь к столу он клал на стол.
И точно граблями, бывало,
Цепляя ложки черенок,
Такой увертливый и малый,
Он ухватить не сразу мог.
Те руки, что своею волей
Ни разогнуть, ни сжать в кулак:
Отдельных не было мозолей —
Сплошная.
Подлинно — **кулак!**
И не иначе, с тем расчетом
Горбел годами над землей,
Кропил своим бесплатным потом,
Смыкал над ней зарю с зарей.
И от себя еще добавлю,
Что, может, в час беды самой
Его мужицкое тщеславье,
О, как выиграло — боже мой!
И в тех краях, где виснул иней
С барачных стен и потолка,
Он, может, полон был гордыни,
Что вдруг сошел за кулака.
Ошибка вышла? Не скажите,

Себе внушал он самому,
Уж если этак, значит — житель,
Хозяин, значит, — потому...
А может быть, в тоске великой
Он покидал свой дом и двор
И отвергал слепой и дикий,
Для круглой цифры приговор.
И в скопе конского вагона,
Что вез куда-то за Урал,
Держался гордо, отчужденно
От тех, чью долю разделял.
Навалом с ними в той теплушке
В одном увязанном возу.
Тянуться детям к их краюшке
Не позволял, тая слезу.
(Смотри, какой ты сердобольный,
Я слышу вдруг издалека,
Опять с кулацкой колокольни,
Опять на мельницу врага.
Доколе, Господи, доколе
Мне слышать эхо древних лет:
Ни мельниц тех, ни колоколен
Давным-давно на свете нет.)
От их злорадства иль участия
Спиной горбатой заслонясь,
Среди врагов Советской власти
Один, что славил эту власть.
Ее помощник голоштаный,
Ее опора и боец,
Что на земельке долгожданной
При ней и зажил наконец,
Он, ею кинутый в погибель,
Не попрекнул ее со злом:
Ведь суть не в малом перегибе,
Когда — Великий перелом...
И верил: все на место встанет
И не замедлит пересчет,
Как только-только лично Сталин
В Кремле письмо его прочтет...

(Мужик не считал, что отныне,
Проси чего иль не проси,
Не Ленин, даже не Калинин,
Был адресат всея Руси.
Но тот, что в целях коммунизма
Являл иной уже размах
И на газетных полосах
Читал республик целых письма
Не только в прозе, но в стихах.)
А может быть, и по-другому
Решал мужик судьбу свою:
Коль нет путей обратных к дому,
Не пропадем в любом краю.
Решал — попытка без убытка,
Спроворим свой себе указ.
И — будь добра, гора Магнитка,
Зачислить нас В рабочий класс...
Но как и где отец причалит,
Не об отце, о сыне речь:
Сын за отца не отвечает,
Ему дорогу обеспечить.
Пять кратких слов...
Но год от года
На нет сходили те слова.
И званье — **сын врага народа**
Уже при них вошло в права.
И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командира иль попа...
Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей,
И все, казалось, не хватало
Стране клейменных сыновей.
Недаром в дни войны кровавой
Благословлял ее иной:
Не попрекнув его виной,
Что горькой душу жгла отравой,
Война предоставляла право

На смерть и даже долю славы
В рядах бойцов земли родной.
Предоставляла званье сына
Солдату воинская часть...
Одна была страшна судьбина:
В сраженье без вести пропасть.
И, до конца в живых изведав
Тот крестный путь, полуживым
Из плена в плен — под гром победы
С клеймом преследовать двойным.
Нет, ты вовеки не гадала
В судьбе своей, Отчизна-мать,
Собрать под небом Магадана
Своих сынов такую рать.
Не знала,
Где всему начало,
Когда успела воспитать
Всех, что за проволокой держала,
За **зоной той**, родная мать...
Средь наших праздников и буден
Не всякий даже вспомнить мог,
С каким уставом к смертным людям
Взывал их посетивший бог.
Он говорил: иди за мною,
Оставь отца и мать свою,
Все мимолетное, земное
Оставь — и будешь ты в раю.
А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.
Забудь, откуда вышел родом,
И осознай, не прекословь:
В ущерб любви к отцу народов
Любая прочая любовь.
Ясна задача, дело свято
С тем — к высшей цели — прямым.
Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком.

И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.
Любой судьбине благодарен,
Тверди одно, как он велик,
Хотя б ты крымский был татарин,
Ингуш *иль друг степей — калмык.*
Рукоплещи всем приговорам,
Каких постигнуть не дано.
Оклевеши народ, с которым
В изгнание брошен заодно.
И в душном скопище исходов
Нет, не библейских, наших дней
Превозноси отца народов:
Он сверх всего. Ему видней.
Он все начала возвещает.
И все концы, само собой.
Сын за отца не отвечает
Закон, что также означает:
Отец за сына — головой.
Но все законы погасила
Для самого благая ночь.
И не ответчик он за сына,
Ах, ни за сына, ни за дочь.
Там, у немой стены кремлевской,
По счастью, знать не знает он,
Какой лихой бедой отцовской
Покрыт его загробный сон...
Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий,
И не видать еще конца.

3. О ПАМЯТИ

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить
Живую быль.
И чтобы волны
Над ней сомкнулись.
Быль — забыть!
Забыть родных и близких лица
И стольких судеб крестный путь
Все то, что сном давнишним будь,
Дурною, дикой небылицей,
Так и ее — поди забудь.
Но это было явной былью
Для тех, чей был оборван век,
Для ставших *лагерною пылью*,
Как некто некогда изрек.
Забыть — о, нет, не с теми вместе
Забыть, что не пришли с войны,
Одних, что даже этой чести
Суровой были лишены.
Забыть велят и просят лаской
Не помнить — память под печать,
Чтоб ненароком той оглаской
Непосвященных не смущать.
Нет, все былые недомолвки
Домолвить ныне долг велит.
Пытливой дочке-комсомолке
Поди сошлись на свой главлит;
Втолкуй, зачем и чья опека
К статье закрытой отнесла
Неназываемого века
Недоброй памяти дела;
Какой, в порядок не внесенный,
Решил за нас Особый съезд
На этой памяти бесонной,
На ней как раз Поставить крест.

И кто сказал, что взрослым людям
Страниц иных нельзя прочесть?
Иль нашей доблести убудет
И на миру померкнет честь?
Иль, о минувшем вслух поведав,
Мы лишь порадуем врага,
Что за свои платить победы
Случалось нам втридорога?
В новинку ль нам его злословье?
Иль все, чем в мире мы сильны,
О матерях забыть и женах,
Своей не ведавших вины,
О детях, с ними разлученных
И до войны, И без войны.
А к слову — о непосвященных
Где взять их? Все посвящены.
Все знают все; беда с народом!
Не тем, так этим знают родом.
Не по отметкам и рубцам,
Так мимоездом, мимоходом,
Не сам, Так через тех, кто сам...
И даром думают, что память
Не дорожит сама собой,
Что ряской времени затянет
Любую быль,
Любую боль;
Что так и так — летит планета,
Годам и дням ведя отсчет,
И что не взыщется с поэта,
Когда за призраком запрета
Смолчит про то, что душу жжет...
Со всей возвращенной нами новью,
И потом политой и кровью,
Уже не стоит той цены?
И дело наше — только греза,
И слава — шум пустой молвы?
Тогда молчальники правы,
Тогда все прах — стихи и проза,
Все только так — из головы.

Тогда совсем уже не диво,
Что голос памяти правдивой
Вещал бы нам и впредь беду:
Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу...
Что нынче счесть большим, что малым
Как знать, но люди не трава:
Не обратить их всех навалом
В одних не помнящих родства.
Пусть очевидцев поколенья
Сойдут по-тихому на дно,
Благополучного забвенья
Природе нашей не дано.
Спроста иные затвердили,
Что будто нам про черный день
Не ко двору все эти были,
На нас кидающие тень.
Но все, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток
И только правда ко двору!
А я — не те уже годочки,
Не вправе я себе отсрочки
Предоставлять.
Гора бы с плеч
Еще успеть без проволочки
Немую боль в слова облечь.
Ту боль, что скрытно временами
И встарь теснила нам сердца
И что глушили мы громами
Рукоплесканий в честь **отца**.
С предельной силой в каждом зале
Они гремели потому,
Что мы всегда не одному
Тому отцу рукоплескали.
Всегда, казалось, рядом был,
Свою земную сдавший смену,
Тот, кто оваций не любил,
По крайней мере знал им цену.

Чей образ вечным и живым
Мир уберег за гранью брэнной,
Кого учителем своим
Именовал **отец** смиренно.
И, грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали,
Как будто суть была одна.
А страх, что всем у изголовья
Лихая ставила пора,
Нас обучил хранить безмолвье
Перед разгулом недобра.
Велел в безгласной нашей доле
На мысль в спецсектор сдать права,
С тех пор как отзыв давней боли
Она для нас — явись едва.
Нет, дай нам знак верховной воли,
Дай откровенье божества.
И наготове вздох особый
Дерзанья нашего предел:
Вот если б Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел...
Уж он за всеми мелочами
Узрел бы ширь и глубину.
А может быть, пожал плечами
И обронил бы: — Ну и ну!
Так, сяк гадают те и эти,
Предвидя тот иль этот суд,
Как наигравшиеся дети,
Что из отлучки старших ждут.
Но все, что стало или станет,
Не сдать, не сбыть нам с рук своих.
И Ленин нас судить не встанет
Он не был богом и в живых.
А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите
Он богом был Он может встать.
И что он легок на помине

И подлунном мире, бог-отец,
О том свидетельствует ныне
Его китайский образец.
...Ну что ж, пускай на сеновале,
Где мы в ту ночь отвергли сон,
Иными мнились наши дали,
Нам сокрушаться не резон.
Чтоб мерить все надежной меркой,
Чтоб с правдой сущей быть не врозь,
Многостороннюю проверку
Прошли мы — где кому пришлось.
И опыт — наш почтенный лекарь,
Подчас причудливо крутой,
Нам подносил по воле века
Его целительный настой.
Зато и впредь как были — будем,
Какая вдруг ни грянь гроза,
Людьми — из тех людей, что людям,
Не пряча глаз,
Глядят в глаза.